

Роль родителей в формировании идентичности ребёнка

Г.И. Малейчук, Н.И. Олифирович

В статье анализируется связь между ранними детско-родительскими отношениями и нарушениями зрелой личности. На примере анимационного фильма «Кунг-фу Панда» рассматривается влияние родительских предписаний и посланий на выбор ребёнка. Путём противопоставления главных героев и их близких аргументируется важность эмпатичного, понимающего и поддерживающего окружения для развития здорового, адаптивного *self**.

Чего стоит жизнь? Стоит ли она того, чтобы быть прожитой?

А. Камю

В психотерапии положение о детерминации развития личности особенностями ранних детских отношений является аксиомой. Д. Боулби, Д. Винникот, М. Кляйн, Г. Салливан, А. Фрейд и другие в своих работах подчёркивали воздействие значимых Других (материнский объект, self-объект**) на все аспекты жизнедеятельности человека. Возникнув как научные, теоретические идеи, данные положения психоанализа стали достоянием широкого социального контекста и оказывают влияние на сознание и мировоззрение через различные формы культуры (кино, театр, поэзию, живопись).

Яркая иллюстрация идеи взаимосвязи ранних условий развития и качества идентичности – анимационный фильм «Кунг-фу Панда». Его сюжет построен на противопоставлении двух героев – панды По и барса Тай Лунга. Выбор данных персонажей, обладающих яркой характерологией, позволяет показать контрастные ценности, мировоззрения, жизненные стратегии каждого из них.

Так, Панда мечтает стать мастером кунг-фу. Случайно он попадает на фестиваль боевых искусств, на котором его избирают

Воином Дракона. Это кардинальным образом меняет его жизнь, накладывая определённые обязательства, связанные с овладением мастерством кунг-фу и спасением Долины Мира и её обитателей от безжалостного барса Тай Лунга. Кульминация фильма – сражение между Пандой и Барсом за право обладания Свитком Воина Дракона.

Анализ индивидуального развития главных героев является ключевым для понимания их характерологии. Рассмотрим особенности развития и значимых отношений каждого из них.

* *Self* – это уникальное психическое образование, представляющее присущую отдельному человеку комбинацию эго и внутренних репрезентаций объектов (представлений о себе значимых Других), находящихся в динамическом взаимодействии. Их сочетание создаёт характер человека и формирует у него чувство личностной идентичности.

** Термин «*self-объект*» используется для обозначения фрагмента психической структуры индивида, возникающего из опыта, полученного в первые годы жизни в отношениях со значимым взрослым. Эти отношения накладывают отпечаток на развитие личности, так как становятся частью Я человека.

Согласно сюжету, отцом Панде парадоксальным образом приходится не Медведь, а Гусь. С помощью этого приёма, основанного на контрасте, авторы акцентируют внимание на уникальности каждого ребёнка и его праве быть безусловно принятым своим родителем, даже несмотря на явные различия между ними. Выбор контрастных персонажей для обозначения детско-родительских отношений символизирует тот факт, что ребёнок прежде всего – Другой и не должен быть копией своего родителя. В фильме это доведено до гротеска: Панда – животное, Гусь – птица.

Отец Панды – известный в городе лапшичник, владелец собственного ресторана. Его бизнес вполне успешен и приносит семье доход. Отцу было бы приятно, если бы сын продолжил дело. Однако Панда выбирает другой путь, и отец, несмотря на свои проекты, позволяет сыну идти своей дорогой. Это возможно благодаря тому, что Гусь-отец – добродушный, чувствительный, оптимистичный, принимающий и понимающий себя и других.

Теоретик объектных отношений Д. Винникотт в своих ставших классическими трудах вводит конструкт «достаточно хорошая мать», под которым понимается родитель, способный заботиться о ребёнке, быть эмпатичным, эмоционально отзывчивым, поддерживающим и принимающим. Неважно, является родитель родным или замещающим, отцом или матерью, – главное, чтобы он выполнял эти функции. «Хотя “в меру хороший родитель” вынужден навязывать своему ребёнку некоторые границы, но в способе его поведения будет содержаться принципиальное послание, что с ребёнком всё в порядке, что он желанный и любимый такой, какой он есть» [1, с. 175]. Гусь и является как раз таким родителем для Панды. Именно внешнее поддерживающее окружение становится условием формирования внутренней структуры *self*, содействующей развитию здоровой самости, которая, в свою очередь, способствует самопринятию, самоподдержке, саморегуляции, самоуважению и т.д.

Семейная ситуация Тай Лунга контрастирует с жизнью панды По. Его воспитал приёмный отец, признанный мастер кунг-фу Шифу. Родные родители Барса бросили его,

Геннадий Иванович Малейчук,
кандидат психологических наук,
доцент, гештальт-терапевт,
заведующий кафедрой психологии
Брестского государственного
университета имени А.С. Пушкина

Наталья Ивановна Олифирович,
кандидат психологических наук,
доцент, гештальт-терапевт,
директор Социально-психологического
центра БГПУ имени М. Танка

что символизирует отсутствие поддерживающего, заботливого и понимающего окружения в его раннем детстве. Мастер Шифу – профессионал в области обучения кунг-фу. Он вырастил и воспитал Барса, однако был для него не родителем, а учителем. Основные его функции как педагога заключались в тренировке и оценке. Наблюдая за его взаимодействием с другими учениками, можно заметить такие его качества, как дистантность, отстранённость, эмоциональную холодность, педантичность. Мастер Шифу растил Барса согласно своему проекту, самозабвенно вкладываясь в его обучение. Однако в отличие от По, у Тай Лунга не было выбора – его жизненный путь был предreshён отцом-учителем. Не вызывает сомнения, что функции, связанные с обучением, социализацией, освоением требований и норм, являются необходимыми для ребёнка

на последующих этапах развития. Малышу же нужен просто «достаточно хороший родитель» – и этого вполне достаточно для развития его *self*.

Таким образом, окружение, в котором вырос каждый из персонажей, определило их дальнейшее развитие. В мультфильме мы встречаемся с уже взрослыми героями, обладающими устойчивой структурой личности, закономерно следующей из опыта их отношений с родительскими фигурами.

При первом взгляде на Панду бросается в глаза его конституция. Он выделяется своими размерами и избыточным весом. Такой тип телесной конституции называется пикническим и характеризуется склонностью к полноте, мягкими чертами лица, здоровым, часто чрезмерным аппетитом и хорошим пищеварением (Э. Кречмер). Согласно П.Б. Ганнушкину, это соответствует циклоидному (биполярному) типу характера. Панда относится к конституционально возбуждённому подтипу. П.Б. Ганнушкин даёт следующее описание данной группы: это активные, энергичные, предприимчивые люди. Они общительны, очаровывают своим остроумием, приветливостью, открытым характером. Однако неустойчивое внимание и поверхностные, неглубокие интересы не позволяют им надолго сосредоточиться на одном предмете. В их работе не хватает выдержки, они склонны к построению воздушных замков и грандиозных планов. Для них характерна склонность к лени и сибаритству [2].

Именно таким предстаёт перед зрителями По. Мы встречаемся с ним в тот момент, когда ему снится сон, в котором он сильный, неотразимый, вызывающий восхищение воин. Однако Панда просыпается, и мы видим, что это всего лишь сон. Реальность совсем другая, и вместо восторженных голосов его почитателей мы слышим голос его отца: «По, вставай, на работу опоздаешь».

Когда Панда спускается вниз, отец заботливо спрашивает: «Что тебе снилось, сынок?». Мы видим, каким смущённым и неуверенным становится в этот момент наш герой. К удивлению зрителя, после некоторых колебаний он отвечает, что ему снилась лапша.

– Тебе, правда, приснилась наконец лапша? О, счастливый день! Моему сыну

наконец-то приснилась лапша! Это знак свыше, По, – восклицает радостный отец.

– Знак чего?

– Чтобы я доверил тебе великую тайну секретного ингредиента моего секретного ингредиентного супа, и тогда ты, По, исполнишь своё жизненное предназначение, и этот ресторан перейдёт в твои руки, так же, как он перешёл ко мне от моего отца, к нему – от его отца, а тот выиграл его у друга.

– Пап, это всего лишь сон. Неужели тебе никогда не приходило в голову ничего, кроме лапши?

– Признаюсь, когда я был молодым и необузданным, я подумывал о том, чтобы сбежать из дому и научиться делать тофу*, – признаётся Гусь.

Этот момент фильма – яркая иллюстрация того, насколько важным для ребёнка является соответствие отцовским ожиданиям. Иногда, когда мечты ребёнка и планы родителя не совпадают, это приводит к внутренним противоречиям, либо в случае действия примитивных защитных механизмов (отрицания, расщепления и др.) ребёнок может не осознавать своих желаний и всю жизнь следовать чужому сценарию. Когда родитель видит в ребёнке продолжение себя, ребёнок может слиться с этим интроецированным образом, потеряв чувствительность к своим потребностям, желаниям, сформировав фальшивое *self* [3].

В семье, где воспитывается Панда, принято следовать сценарию. Показывая портреты предков, Гусь сообщает сыну, что все его родственники по мужской линии были лапшичниками. Правда, Гусь при этом замечает, что в молодости у него возникали идеи нарушить семейный сценарий и заняться другим делом, которое, однако, тоже было связано с кулинарией.

Профессия Гуся не случайна. Приготовление пищи относится к традиционным женским функциям, что свидетельствует о наличии в его Я и женских, и мужских аспектов: материнских, связанных с заботой и кормлением, и отцовских, выражающихся в проектировании жизни сына. На наш взгляд, именно такая внутренняя гармония

* Соевый творог.

делает Гуся более терпимым к проявлениям «инаковости» у сына, что позволяет Панде расширить границы для поиска себя и создать самостоятельный проект жизни.

Другой отец, мастер Шифу, – сугубо маскулинный персонаж. В нём чувствуются сила, властность, прямолинейность, уверенность в себе. В его образе нет даже намёка на сомнения, колебания, неуверенность, мягкость. Его телесная конституция, прямая осанка, походка являются отражением его внутренних качеств – ригидности, зажатости, негибкости. Мир мастера Шифу монологичен – ведь диалог возможен там, где есть различия. А когда диалог есть во внутреннем мире – он возможен и во внешнем. Для внутреннего же мира мастера Шифу характерно эмоциональное уплощение, все его переживания и чувства находятся под контролем. Его взаимодействие с учениками также строится монологично, в основном он использует замечания, указания, оценки. Авторитет Отца в мире мастера Шифу настолько незыблем, что подавляет любое проявление собственного Я у его учеников. Это мир крайностей: либо ты принимаешь точку зрения Отца, либо объявляешься изгоем, что препятствует контакту, человеческим отношениям и дальнейшему развитию. Барс Тай Лунг бросает мастеру Шифу вызов. Однако в данном случае мирная сепарация от авторитетной и авторитарной родительской фигуры оказалась невозможной, и ребёнок отделился через полный разрыв всех отношений.

Сепарация вследствие взросления – необходимый этап в развитии каждого человека. Однако когда отделение происходит одновременно, человек лишается возможности опираться на семью, черпать ресурсы из образов предков. Поэтому важно, чтобы родители были готовы принять уникальность ребёнка и разрешить ему найти и пройти свой собственный путь, не лишая его родовой силы.

Таким образом, физически обособившись от отца, Тай Лунг остаётся зависимым от него психологически. Не получив отцовского признания, он в ярости начинает разрушать всё, что было дорого Шифу. Всю свою энергию он тратит на борьбу с Отцом, его авторитетом. Бунт Тай Лунга против отцовской фигуры экстраполируется в бунт против социальных устоев.

На наш взгляд, данный мультфильм можно отнести к разряду «мужских». Все действующие персонажи фильма, за исключением Тигрицы, – мужчины. Да и Тигрицу смело можно отнести к фаллическим женщинам – она занимается мужским занятием и, конкурируя с остальными, претендует на лидерство. Представленный нашему взгляду мужской мир предполагает отрицание и обесценивание женственности. Однако для гармоничного развития человеку необходимо интегрировать и мужские, и женские аспекты идентичности. Отрицание женственности проявляется и в том, что Тигрица, несмотря на высочайший уровень владения кунг-фу, не избранный ребёнок: её так же, как и Тай Лунга, не выбирают Воином Дракона. Очевидно, что Тигрица маскулинна даже в большей мере, чем мужские персонажи, что обнаруживается в её следовании идеальному образу сурового, непреклонного воина. Она не принимает Панду с его шутками, гибкостью, открытостью, способностью к творчеству. Тигрица отвергает именно те качества в Панде, которых не хватает ей самой. В результате воспитания дистантным, холодным, требовательным Отцом Тигрица вытеснила свою женственность; вся её энергия направлена на то, чтобы удерживаться от контакта со своей изолированной частью. Её фанатичное следование образу идеального бойца – свидетельство защиты от осознания собственной женственности. Даже когда все едят и нахваливают сваренный Пандой суп, Тигрица не ест, оставаясь непреклонной: «Легенда гласит, что Воин Дракона способен долгие месяцы жить на росе с одного единственного дерева гингко и на энергии Вселенной».

Всё окружение мастера Шифу – отражение его Я – лишено контакта с внутренней феминностью, в силу чего персонажам недостаёт внутренней гармонии. В связи с этим становится понятным нелогичный, на первый взгляд, выбор Черепахой Панды в качестве Воина Дракона. Идеи восточной философии о взаимодополнении мужского и женского, инь и янь, являются краеугольным камнем понимания гармоничного устройства мира. У Панды, в котором соединены как мужское, так и женское начала, гораздо больше шансов стать Воином Дракона.

Мастер Шифу, будучи сам нарциссом, порождает вокруг себя нарциссическое окружение. Его ученики – его зеркальное отражение, внешние аспекты его Я. Не принимаемые и отвергаемые им потребности во власти, грандиозности, желание поставить себя выше других особенно ярко видны в приёмном сыне и любимом ученике Тай Лунге. В отношениях, в которых ему была отведена роль нарциссического расширения, Тай Лунг ассимилирует не только внешние атрибуты, связанные с обучением воинскому искусству, но и бессознательные, вытесненные аспекты внутреннего мира своего отца-учителя. То, что мастер Шифу запрещает себе осознавать, воплощается в реальности его сыном. Здесь мы наблюдаем симметрию, параллельные феномены в двух парах «отец–сын». Слабо осознаваемые желания отца-Гуся, связанные с освобождением от семейного сценария, реализует его сын Панда. Вытесненные и отрицаемые потребности мастера Шифу воплощает в жизнь его приёмный сын, барс Тай Лунг.

Идея незавершённого гештальта в границах одной человеческой жизни находит своё воплощение и в бытовом сознании. Не зря в Советском Союзе были популярными строки: «То, что отцы не допели – мы допоём, то, что отцы не достроили – мы достроим». Эти идеи легли в основу трансгенерационного подхода Б. Хеллингера, А.А. Шутценбергер и других. Мечты, планы, фантазии предыдущих поколений, явно или неявно транслируемые детям, оказывают на них влияние, ограничивая их собственный выбор [4].

Взаимосвязь родительских сценариев и установок с выбором детей показана в самом начале фильма. Обслуживая покупателей в кафе, Панда узнаёт о том, что учитель Угвей выбирает Воина Дракона. Он восклицает: «Я ждал этого тысячу лет» и уже готовится бежать на церемонию во дворец, но тут отец напоминает ему о необходимости взять с собой тележку с лапшой. Мы видим, как меняется лицо Панды, но он не отказывается и с целью угодить отцу даже берёт в тележку дополнительный груз – пирожки. Чтобы добраться до дворца, нужно преодолеть огромную лестницу, и для зрителя очевидно, что Панда с тяжёлой ношей движется медленно и вряд ли успеет вовремя добраться.

Интересен символизм тележки – с одной стороны, она олицетворяет семейный бизнес и все его положительные аспекты, с другой – своеобразные «семейные узы», груз, затрудняющий движение Панды по собственному пути. Часто родители так «нагружают» ребёнка различными идеями, правилами, мнениями, задачами, что в попытке взвалить на плечи и достойно пронести родительскую «кладь», он не способен двигаться или «нести» то, что нужно ему самому. Освобождение наступает в тот момент, когда Панда наконец бросает тележку и устремляется к воротам. Однако массивные ворота закрылись прямо перед ним – он так и не успел попасть на церемонию.

Это важный момент фильма. Закрытые ворота, высокая стена – препятствия на пути к мечте Панды. И здесь самое простое – отказаться, впасть в депрессию и начать страдать, что зачастую и происходит с человеком. Но всегда есть выбор – сдаться или оценить возможности и всё же попытаться пробраться в то место, куда ты давно стремишься. Интересно, что одно и то же место обладает разной доступностью: ещё минуту назад Панда спокойно прошёл бы за ворота, а теперь они заперты. Однако у Панды ещё есть время – и он начинает отчаянные попытки попасть внутрь и увидеть Воина Дракона. Панда карабкается, подпрыгивает, использует подручные средства, но усилия тщетны. Наконец По привязывает себя к стулу, окружает фейерверками и поджигает их. В этот момент на авансцене снова появляется отец-Гусь.

– По, что ты делаешь? – удивлённо вопрошает он.

– Я увижу Воина Дракона.

– Тебе же приснилась лапша, – пытается разобраться в происходящем диссонансе Гусь.

Тут у Панды снова есть выбор: остаться хорошим сыном, слезть со стула и дожидаться голодных покупателей или не оправдать ожидания отца, всё равно рискуя при этом не попасть на церемонию. И По принимает решение.

– Я соврал. Не лапша мне приснилась, пап, я люблю кунг-фу.

В эту секунду почти затухший фейерверк взрывается, и Панда буквально взлетает в

небо. Несмотря ни на что, он предпочитает пробраться на церемонию. Выбор Панды и избрание Воина Дракона совпадают во времени и в пространстве, и, открыв глаза, полуоглушённый По видит палец учителя Угвея, нацеленный прямо на него. «Вселенная подарила нам Воина Дракона», – провозглашает Угвей. Так сбывается мечта Панды – точнее, он получает больше, чем хотел.

Интересно, что параллельно с церемонией посланник мастера Шифу достигает тюрьмы, где заключён Тай Лунг. Начальник тюрьмы смеётся над тревогами Шифу, связанными с возможным побегом Тай Лунга. Показав посланнику заключённого, начальник говорит: «Сбежать из тюрьмы невозможно. Один вход, один выход, сто охранников и один заключённый». И добавляет: «Он полностью обездвижен. Учителю Шифу не о чем беспокоиться». Действительно, отцовская власть тяжким бременем сковала Тай Лунга, нарушившего отцовские предписания и попытавшегося посягнуть на мир Отца. Замороженный, скованный, неподвижный Тай Лунг – метафора его ригидного Я.

Таким образом, переступив через отцовские установки и уготованные им сценарии, наши герои одновременно переживают тяжёлые испытания. Панда попадает в вотчину мастера Шифу и тут же разбивает ценный сосуд. Мастер Шифу еле-еле сдерживает себя. «Ты – легендарный Воин Дракона?» – вопрошает он у Панды. И сам даёт ему ответ: «Нет, и никогда им не станешь, пока не узнаешь секрет Свитка Дракона». Он запугивает Панду и давит на него, подвергая проверке, напоминающей поступление новобранца на воинскую службу. Однако Панда не сдаётся. И хотя ему приходится нелегко, он постепенно очаровывает всех учеников Шифу своим юмором, непосредственностью, открытостью и передавшимися ему от отца кулинарными навыками.

Запоминающийся момент фильма – встреча Панды и учителя Угвея. Панда в печали пробирается к священному небесному дереву персиковой мудрости и утешает себя, поедая сочные плоды. В это мгновение появляется мудрый Угвей. Мастер замечает, что Панда расстроен. Тот вначале всё отрицает, но потом делится своими переживаниями и

болью. Панду булбуревуют сомнения: есть ли у него необходимые способности? «Меня он выбрал случайно. Никакой я не Воин Дракона... Кого я обманываю?». Он говорит Угвею: «Они все меня ненавидят. Как же Шифу сделает из меня Воина Дракона? Я на ребят из пятёрки не похож, у меня нет ни когтей, ни яда, ни крыльев. Даже у богомола есть свои “примочки”. Может, стоит всё бросить и снова заняться лапшой?». Однако Угвей обращает внимание Панды на то, что тот слишком занят анализом прошлого и просчитыванием будущего: «Бросить – не бросить... Лапша – не лапша... Тебя слишком занимают то, что было, и то, что будет. Мудрецы говорят: “Прошедшее – забыто. Грядущее – закрыто. Настоящее даровано, поэтому оно называется настоящим”». Панда мечется между полярностями, он пытается проконтролировать будущее. «Здесь и сейчас» – вот то, что реально существует, и этой мудростью делится с Пандой старый мастер. Похоже, именно такой поддержки не хватало По, который не может насладиться своим избранием, потому что не чувствует себя принятым окружением, не считает себя достойным звания Воина Дракона.

Утром мастер Шифу уже не надеялся увидеть толстого неповоротливого Панду во дворце. Его и вправду не оказалось в спальне – он тренировался. И пускай день был неудачным, пускай По был смешным и неуклюжим, но ему удалось завоевать сердца учеников Шифу. Сблизившиеся с Пандой ученики Шифу раскрывают По тайну мастера. Перед глазами зрителей проносятся жизнь мастера, его включённость в воспитание и формирование характера подброшенного ему младенца. «Мастер верил в Тай Лунга и говорил, что его ждёт великое будущее. Но Тай Лунгу всегда всего было мало. И он захотел получить Свиток Дракона. Мастер Угвей увидел мрак в сердце Тай Лунга и не отдал ему Свиток. В ярости Барс решил разорить Долину, и Шифу должен был уничтожить того, кого сам создал. Но разве он мог! Шифу любил Тай Лунга так, как никого до этого. И после этого». Из рассказа становится очевидным, что Панде предстоит невозможное. Он занял место Воина Дракона, которое, как думал Шифу, займёт Тай Лунг. Тай Лунг был лучшим – а Панда просто посмешище, а не воин кунг-фу. Тай

анимал важное место в сердце Шифу, же для него – никто, самозванец. Только **оритет и слова учителя Угвея о том, что ценней не бывает, удерживают Шифу от**

Параллельно происходят изменения и в Тай Лунга. Интересно, как цепочка тай, которая привела к освобождению Лунга, демонстрирует двойственное отношение Шифу к приёмному сыну. С одной стороны, он искренне не хочет разрушения Долины Мира и отправляет в тюрьму ганца, чтобы предотвратить побег Тай Лунга. С другой – именно перо, упавшее с крыла посланца, позволяет Тай Лунгу осуществить дерзкий побег. Случайность? Но мы уже знаем, что случайности не случайны. Поэтому можно предположить, что неосознаваемое желание мастера Шифу видеть Свиток Дракона в руках своего ученика привело к таким последствиям. В реальной жизни часто можно наблюдать, как у прекрасных родителей вырастает жестокий, агрессивный ребёнок. Однако если заглянуть глубже, окажется, что его поведение – это слепок, копия неосознаваемых желаний, подавленной агрессии, амбиций и проектов его ближайшего окружения. Поэтому нет покоя в душе мастера Шифу.

Похоже, об этом знает мудрая черепаха Угвей. Шифу встречается с учителем возле персикового дерева и сообщает ему новость: Тай Лунг сбежал. Однако Угвей остаётся спокойным и в ответ на тревогу Шифу сообщает:

– Панда не выполнит своего предназначения, а ты – своего, пока не расстанешься с иллюзией, будто всё в этом мире зависит от тебя. Чтобы ты ни делал, из косточки персика вырастет персиковое дерево. Ты можешь хотеть, чтобы выросла яблоня, но вырастет персиковое.

– Персиковое дерево способно победить Тай Лунга?

– Может, и способно, если ты пожелаешь направить, взрастить, поверить в него. Просто поверить...

Эти слова Угвея – последние. Он заканчивает свой земной путь. Теперь мастеру Шифу предстоит принимать решения самостоятельно – его Учитель и Отец ушёл в иной мир, оставив ему важное послание.

Похоже, смерть Угвея растопила лёд и сомнения в сердце Шифу. Он потерял Тай Лунга, потерял Угвея, и ему ещё есть, что терять – Долину Мира, учеников... Похоже, именно в этот момент он начинает присматриваться к Панде.

Очевидно, что в воспитании Тай Лунга Шифу проглядел его нарциссическую травму. Брошенный ребёнок должен был стать идеальным, быть первым – иначе ярость, с

которой он так и не научился справиться, сметёт всё. Недостаток амбиций Шифу привёл к незрелости этого качества у Тай Лунга. Неспособность отступать, признавать первенство других, примиряться с проигрышами, стремление к совершенству любой ценой – вот типичные характеристики нарциссически организованных людей. Таким был Шифу, таким стал Тай Лунг. Только смирившись с потерей сына, признав свою ошибку, учитель Шифу может открыть своё сердце для кого-то ещё.

В наше время, когда постоянно изобретаются всё новые и новые технологии воспитания и обучения, педагоги иногда забывают о самом главном – о потребностях ребёнка, лежащих в основе обучения. Если их нет или они не стали частью внутреннего мира обучаемого, проект не может быть успешным. Поэтому Шифу начинает с главного – с мотивации своего ученика. Панда говорит о своих сомнениях, о том, что он не способен остановить Тай Лунга и стать Воином Дракона. И только честный диалог с Шифу, который поверил в Панду благодаря Угвею, позволяет По снова войти в контакт со своим желанием стать воином кунг-фу. Шифу ещё не знает, как именно научить Панду искусству борьбы – но он готов взяться за этот проект, и это самое важное. Когда знание превосходит событие, возникает иллюзия, что мы контролируем ситуацию. Однако самые замечательные планы зачастую терпят крах, встречаясь с реальностью, поэтому и для педагога, и для психотерапевта желание помочь, вера в ученика/клиента не менее важны, чем знания, планы и стратегии.

Приступая к обучению Панды, Шифу учитывает слова Угвея. Он не пытается вырастить яблоню из персиковой косточки, а начинает исследовать поведение По. Случайно

он обнаруживает, что главной мотивирующей силой действий Панды является еда. Его любовь к ней носит защитный характер – По всегда ест, когда расстроен, волнуется, чувствует себя непонятым и отверженным. Такой способ самоуспокоения – самый древний и архаичный. Младенец успокаивается, когда получает материнскую грудь, взрослый утешает себя чем-нибудь вкусненьким. Панда По всё время озабочен поиском еды. Обнаружив это, мастер изобретает новую методику обучения кунг-фу. Он сообщает Панде: «Тебя нельзя тренировать так, как я тренировал неистовую пятёрку. Теперь я знаю секрет твоих тренировок – пельмешки. Потренируешься – поешь».

Изменения, произошедшие во внутреннем мире мастера Шифу, – маркер творческого приспособления к особенностям Панды. Такие изменения мы можем наблюдать у чувствительных родителей, а также у потерпевших неудачи в воспитании предыдущих детей и сумевших сделать из этого адекватные выводы. Модифицируя воспитательные стратегии, гибко реагируя на особенности ребёнка и приспособившись к нему, мудрый родитель и учитель достигают главного – позволяют ребёнку обнаружить свои внутренние ресурсы и использовать их для дальнейшего развития. В этом контексте говорить об «инновационных технологиях» некорректно, потому что необходимо найти уникальный подход к каждому ученику.

Внутренние изменения в учителе Шифу становятся катализатором для изменений Панды. Наконец нашёлся кто-то, поверивший в его возможность освоить кунг-фу, – и не простой человек, а признанный всеми Мастер. Вера Другого в его потенциал и возможности меняют По – и он начинает усваивать уроки, демонстрируя недюжинные способности. В конце обучения, совершив немислимые трюки в борьбе за тарелку пельменей и честно заслужив еду, Панда неожиданно отказывается от неё. Он говорит: «Я не голоден». Действительно, когда еда призвана заполнять внутреннюю пустоту, насыщение становится принципиально невозможным. И только войдя в контакт со своими потребностями, осознав реальные способы их удовлетворения и получив позитивный опыт их практического

достижения, человек может отказаться от старых способов самоподдержки. Компульсивная еда сменяется удовольствием от контакта со своими способностями, со своим телом; повышается чувствительность к своему *self*, появляется возможность выбирать то, что действительно хочешь.

«Когда ученик готов, учитель приходит» – известная восточная мудрость. В тот момент, когда Панда поклонился в знак уважения и произнёс: «Мастер», он признал себя учеником, а Шифу – учителем. Действительно, иногда педагог хочет учить, психотерапевт – лечить, родитель – воспитывать, но обучаемый/клиент/ребёнок не готов к контакту, к встрече с новым. И тогда все попытки что-то дать ему, донести до него наталкиваются на стену сопротивления. Но когда он созревает для контакта, когда становится способным не просто слушать, но и слышать, не просто смотреть, но и видеть, начинаются изменения. Мы способны измениться только в контакте с Другим, но для этого нужно с ним встретиться.

Панда обучается кунг-фу, а второй герой – сбежавший из тюрьмы Тай Лунг – движется к Долине Мира. Его безуспешно пытается остановить неистовая пятёрка – сильные, подготовленные воины, но для Тай Лунга самым важным является победа над Воином Дракона. Ведь только так он сможет доказать, что Шифу и Угвей ошибались и что он и есть избранный, кому принадлежит Свиток Дракона.

Что же на самом деле представляет собой этот Свиток? Когда Шифу торжественно вручает его Панде, он сообщает, что, прочитав его, он сможет ощущать трепетание крыльев бабочки, видеть свет в тёмной пещере... Свиток Дракона – это атрибут силы и власти. Однако развернув его, По оказывается в полной растерянности – там ничего нет. Смятение посещает и мастера Шифу: если Воин Дракона не смог прочесть Свиток, значит, ошибался Угвей, ошибался сам Шифу, и тогда Панда – не избранный. Шифу остаётся защищать храм, а подавленный, расстроенный По возвращается в Долину, где и происходит кульминация.

Встретивший сына Гусь весьма обрадован возвращением По домой. Он не утратил на-

дежды видеть сына лапшичником и считает, что пришло время сообщить ему семейную тайну.

– Настало время поведать тебе то, что следовало поведать уже давным-давно. Секретный ингредиент моего секретного ингредиентного супа. Секретного ингредиента не существует. Нет его. Никакого секретного ингредиента! – говорит Гусь.

– Так мы готовим обыкновенную лапшу, не добавляя туда ни специй, ни соуса? – поражается Панда.

– Да незачем. Чтобы сделать что-то особенное, надо просто поверить, что это особенное.

Эта идея – не только секрет приготовления лапши, но ещё и ключ к Свитку Дракона. Никакого секрета нет – нужно просто верить в себя, быть чувствительным к своим потребностям и двигаться по избранному пути, несмотря на препятствия. Именно Гусь, а не Шифу, является истинным Мастером. Ведь Шифу полагается на навыки, техники и методики, а Гусь верит в себя и знает, что именно он придаёт своему делу что-то особенное. Он сам и является тем самым секретным ингредиентом. Мастер Шифу ничего не увидел в Свитке, не разгадал его тайну, так как не знал этого секрета и поэтому не мог помочь Панде стать Воином Дракона. Символично, что именно родной отец добавляет ту самую последнюю каплю, тот самый штрих, который делает из обученного кунг-фу Панды великого Воина Дракона. Не зря дзенские* мастера говорят о том, что Будда – в каждом. Атрибуты власти, деньги, достижения не делают людей счастливыми, если они не знают этого простого секрета.

Итак, в одной паре «родитель–ребёнок» отец помогает сыну найти путь к себе. В другой паре в это время происходит жестокая битва. Мастер Шифу пытается остановить Тай Лунга, но это невозможно. Тай Лунг в ярости, он обвиняет Шифу в своих неудачах:

– Я двадцать лет гнил в тюрьме из-за твоей слабости.

– Подчинение мастеру не есть слабость.

* Дзен – течение в буддизме, суть которого – в постижении реальности на основе интуитивного проникновения в собственную природу.

Ты не мог стать Воином Дракона. В том нет моей вины.

– Нет твоей вины? А кто затуманил мой разум? Кто тренировал меня, пока не затрепщат кости? Кто разрушил мою судьбу?

Слова Тай Лунга – это боль ребёнка, из которого пытались слепить то, что было нужно родителю. Не обращая внимания на его желания и возможности, учитель видел в нём только то, что могло, по его мнению, пригодиться Воину Дракона. А. Ленгле, рассматривая причины возникновения нарциссизма, говорит о совращении, понимаемом им в широком смысле как «совращение с пути истинного». Он пишет, что при «...совращении другие люди посредством манипуляций добиваются того, что человек начинает вести себя так, как ему изначально не хотелось бы себя вести, и делать то, чего ему изначально не хотелось бы делать» [5, с. 53]. Схожих идей придерживается С.М. Джонсон. С его точки зрения, нарциссическая уязвимость проявляется в тех случаях, когда «...послание, которое получает формирующаяся личность, звучит: “Не будь тем, кем ты являешься, будь тем, кем я хочу, чтобы ты был. То, кем ты являешься, на самом деле, разочаровывает меня, угрожает мне, злит меня и излишне меня возбуждает. Будь тем, кем я хочу, чтобы ты был, и я буду тебя любить”» [1, с. 171]. Нарциссическое проектирование Шифу жизни Тай Лунга сломало его, когда он не получил искомой награды – не был признан Воином Дракона. Не получивший признания нарцисс чувствует себя ничтожным, неудачником, никому не нужным. За фасадом грандиозности и всемогущества «...скрывается внутренний ребёнок – голодный, истощённый, полный ярости и зависти» [6, с. 77]. Невыносимость затопивших его чувств так велика, что он, дабы не разрушить до конца самого себя, начинает разрушать внешний мир. Его действия – проекция бушующих в душе бурь и ураганов. Все его помыслы заняты мстостью – хотя, по сути, ему важно получить признание.

– Я всё делал, чтобы ты мною гордился. Скажи, что ты гордишься мной, Шифу, скажи, скажи, – обращается он к мастеру.

– Я всегда тобой гордился, и эта гордость меня ослепила. Я слишком сильно тебя любил и не увидел, во что ты превращаешься. Во

что я тебя превращаю, – с горечью отвечает ему Шифу.

Любил ли, действительно, Шифу своего приёмного сына? Скорее, он любил в нём свою мечту, используя его как нарциссическое расширение самого себя, так как «...родители “нарцисса” часто поглощены проблемами власти и не способны по-настоящему любить» [6, с. 76]. Будучи сам нарциссом, Шифу не способен был любить не только других, но и себя. Красивое подтверждение этих слов находим у А. Ленгле: «Он (нарцисс) любит не себя, он любит свой отблеск в сиянии объектов» [5, с. 56]. И в любви к другому человеку он любит только то, что повышает его самооценку. Неудивительно, что и Тай Лунг не способен любить – ведь даже в этом диалоге он говорит не о любви, а о гордости, что выступает для него эквивалентом, заменой любви.

Несмотря на открытость и честность Шифу в данной встрече, Тай Лунг закрыт для диалога. Он долго страдал, он обижен, полон гнева – и уже не способен остановиться. После нескольких ударов он оставляет бездыханного отца и устремляется на поиски своего врага – Воина Дракона.

Когда наступает момент встречи, Тай Лунг поражён. Вместо великого воина он видит обычную Панду. По доброжелателен, но Тай Лунг начинает схватку за Свиток Дракона. Долгое время они дерутся на равных, и Панда ничем не уступает свирепому Барсу. И вот наступает ключевой момент – Тай Лунг овладел, наконец, Свитком Дракона.

– *Наконец-то сила Свитка теперь принадлежит мне, – говорит он, разворачивая Свиток. Но, к своему ужасу и ярости, ничего не обнаруживает.*

– *Расслабься. Я сначала тоже не въехал, – пытается поддержать его Панда. – Секретного ингредиента нет. Дело в тебе.*

Вглядываясь в Свиток Дракона, Панда, как в зеркале, видит себя и понимает, что это значит, но Тай Лунг впадает в ещё большую ярость. Он уже не способен ни верить, ни слышать. В отчаянии Тай Лунг предпринимает последнюю попытку уничтожить Воина Дракона, но поверивший в свои силы Панда выполняет секретный приём (который, как и Свиток, держится только на вере в «секретный ингредиент») – и Тай Лунг повержен.

В этот момент мы снова видим, как отличаются два героя. Для Тай Лунга характерны фанатизм, ригидность, сила и продолжительность аффектов. Его фальшивое *self* не позволяет заглянуть внутрь себя, разглядеть другие желания, кроме получения власти и признания. Глубокое нарушение Тай Лунга обусловило невозможность его адаптации. Структурная организация личности Панды более адаптивна, так как он обладает лучшими ресурсами благодаря характеру ранних отношений с отцом. Панде свойственны гибкость, пластичность, хорошее чувство юмора, готовность заботиться о других. Благодаря взаимодействию с Шифу он смог обрести и ассимилировать те качества, которые гармонично дополнили его *self*, – целеустремлённость, твёрдость, настойчивость, уверенность. Хотя героев учил один и тот же мастер, боевой стиль Тай Лунга напоминает продвижение армии, которая продолжает идти вперёд, невзирая на ландшафт местности и потери, пока не загонит себя в ловушку. Стиль Панды напоминает гармоничный танец, учитывающий все нюансы окружающего мира и чувствительность к самому себе.

Разное качество идентичности героев обусловило разные уровни их адаптации и разные способы переживания кризисов. Если у Панды «всё, что меня не убивает, делает меня сильнее», то у Тай Лунга каждый кризис смертелен и уничтожает различные аспекты его самости. В конце фильма он полностью асоциален, он опасен и разрушителен, прежде всего – для себя. Почти уничтожив отца, он лишил себя силы, остался без опоры. Его проигрыш закономерен, но сам Тай Лунг вызывает жалость, потому что он не оставляет возможностей для контакта и шанса как-то достучаться до него и показать ему другой способ интерпретации реальности. В той реальности, где живёт Панда, можно быть толстым, неуклюжим – и при этом счастливым и любимым. Принятый своим отцом-Гусем в разных ситуациях, По ищет и экспериментирует, ошибается и снова пробует. Он тоже сомневается и проигрывает, но ядро его *self* содержит самое главное – интроецированный и ассимилированный образ любящего и принимающего родителя, что является основой для становления зрелой идентичности [7]. *Self*

Тай Лунга расщеплён на идеальное и ничтожное. Он не способен жить в гармонии с миром, потому что этой гармонии нет в его душе. Его нарциссическое, фальшивое Я приводит его к разрушению и гибели.

Победив Тай Лунга, Панда получает признательность и благодарность от жителей Долины Мира. Тепло обнимаясь со своим отцом-Гусем, он вдруг спохватывается – а что же с Шифу? И, несмотря на усталость, взбирается по бесконечной лестнице, чтобы узнать – что с Мастером?

Их встреча очень трогательна. Испуганному Панде кажется, что Учитель погиб – он лежит без движения с закрытыми глазами... Но, к счастью, Шифу жив. Узнав о том, что Панда победил Тай Лунга, Мастер испытывает сильные чувства. Панда пытается что-то говорить, но Шифу переживает тот самый опыт-предел, те пиковые переживания, о

которых писал А. Маслоу. И тогда Панда ложится рядом. Учитель и ученик в этот момент – на равных. Формальные слова благодарности уже не нужны. Они много прошли и поняли, они многое узнали вместе, их обучивали отчаяние и сомнения, и каждый из них что-то потерял, что-то приобрёл... Как и предсказывал мудрый Угвей, Воин Дракона принёс мир не только в Долину, но и в душу Шифу. Похоже, для него тоже открываются те истины, о которых ему говорил его Учитель, но нужно было время для их осознания. Изменился не только ученик – изменился и Мастер. И последние слова Панды, его предложение: «А может, по пельмешке?» – свидетельство той незримой близости, которая возникла между ними. Это «встреча без галстуков», настоящая близость с Другим, к которой, пройдя нелёгкий путь, способен теперь и мастер Шифу.

Анимационный фильм «Кунг-фу Панда» ещё раз открывает нам вечные истины – огромное значение ранних отношений с родителями для развития self ребёнка. Любая личностная патология – это производная от межличностного взаимодействия, и устоявшиеся, ригидные, неадаптивные паттерны (образцы) поведения, возникшие достаточно рано в контакте с родителями, ведут к серьёзным нарушениям в функционировании self в зрелом возрасте. Даже если родители могли бы стать идеальными, не стоило бы ожидать, что жизнь детей станет свободной от проблем, дискомфорта и кризисов. Однако именно ранний опыт, основанный на эмпатии, принятии и любви ребёнка, позволяет ему овладеть зрелыми механизмами защиты, научиться осознавать свои желания и возможности и следовать к постижению более высокого уровня мудрости.

Список использованных источников

1. Джонсон, С. М. Психотерапия характера. Практическое руководство / С. М. Джонсон. – М.: Центр психол. кул-ры, 2001. – 355 с.
2. Ганнушкин, П.Б. Избранные труды / П.Б. Ганнушкин. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 416 с.
3. Погодин, И.А. Нарциссизм: феноменология, диагностика, психологическая помощь / И.А. Погодин, Н.И. Олифинович // Возрастная и педагогическая психология: сб. науч. тр. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; сост. и науч. ред. О.В. Белановская. – Минск, 2007. – С. 303–309.
4. Олифинович, Н.И. Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь: монография / Н.И. Олифинович, Т.А. Зинкевич-Куземкина, Т.Ф. Велента. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005. – 356 с.
5. Ленгле, А. Грандиозное одиночество / А. Ленгле // Московский психотерапевт. журнал. – 2002. – №2. – С. 34–58.
6. Кадыров, И. «Удостоверение личности нарцисса». Обсуждение доклада А.В. Казанской / И. Кадыров // Московский психотерапевт. журнал. – 2002. – №2. – С. 74–82.
7. Малейчук, Г.И. Идентичность ранней юности. Клинико-феноменологический подход: монография / Г.И. Малейчук. – Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2001. – 123 с.

Материал поступил в редакцию 21.01.2009.